

Из первых уст

Знамя юности — Миски — 1990. + 2 мес.

«...На каждого писателя, произведения которого живут в течение нескольких эпох, всякая новая эпоха накладывает новую сетку или решетку, которая закрывает в образе писателя всякие другие и открывает иные».

Из дневника К. И. Чуковского, 1925 год.

«Блаженный старец из Переделкино», «наивный мечтатель» — недоброты присваивали ему подобные прозвища. Сам он не обижался. Весь мир знал его сказки, и, пожалуй, большинство из нас начинали постижение грамоты с прочтения «Бармалея», «Тараканища», «Доктора Айболита»... Сказки и имя Корнея Ивановича Чуковского ассоциируются с безоблачным детством. А ведь пик его творчества пришелся на тридцатые, когда, как известно, не до сказок было... Предлагаем вашему вниманию беседу корреспондента ТАСС Е. Копериной с внучкой К. И. Чуковского Еленой Цезаревной ЧУКОВСКОЙ.

— Определим тему нашей беседы: «неизвестный Чуковский»...

— Действительно, сейчас, более чем через 20 лет после смерти Чуковского, стоит задуматься, какие же черты его личности открыты сегодняшней эпохе и какие оказались отодвинутыми, справедливо или несправедливо забытыми или просто неизвестными. Чуковский как автор детских сказок, смешных стихов, английских песенок, загадок хорошо известен широкому читателю. Эти книги издаются, переиздаются, и в сегодняшнем разговоре нет смысла о них упоминать.

Но гораздо менее известно, что сам Корней Иванович обижался, когда его считали только детским писателем. Сам он начинал свой литературный путь как критик и всю жизнь считал себя критиком, а впоследствии еще и литературоведом. Надо отметить, что критик Чуковский совершенно забыт в наше время. Отчасти это произошло потому, что начинал он очень давно.

Первую статью напечатал в 1901 году. И в качестве критика он был известен до революции. После революции вся критика стала РАППовской. Корней Иванович говорил, что нельзя писать критическую статью, если в результате чьей-либо большой теще не дают путевку в санаторий. И он перестал выступать с критическими статьями. Кроме того, его статьи было принято считать слишком импрессионистскими, и они не переиздавались.

Два года тому назад была воссоздана комиссия по литературному наследию Чуков-

ского под председательством В. А. Коротича. И в качестве первого шага деятельности этой комиссии предпринято издание двухтомника Чуковского. Весь второй том будет состоять из критических статей Корнея Ивановича. Например, туда войдут рассказы о Некрасове (последний раз они выходили в 30-е годы), «Поэт и палач», «Жена поэта» (об Авдотье Панаевой), статья о Льве Толстом, «Ахматова и Маяковский — две России» и т. д. Это будет как бы история литературы начиная с конца XIX века, рассказ о биографии писателей и об их книгах.

В 20-е годы К. И. Чуковский написал Горькому письмо, в котором были, в частности, и такие строки: «...Перехвалить поэта теперь я считаю полезнейшим делом, я теперь не мог бы ругать своего брата писателя, теперь не время взаимной полемики. Маяковского будут ругать и без меня, но важно, чтобы из нашего интеллигентского лагеря было сказано приветливое слово о нем». При этом надо учесть, что в 20-е годы Маяковский занимал совсем не такое место в литературе, как теперь, и отношение к нему было совершенно другое.

— Известно, что в начале века Корней Иванович был связан с футуристами!

— Корней Иванович — автор книги, которая называется «Футуристы», у него много статей о футуристах. В 1915 году он много виделся и спорил с Маяковским, который приезжал к нему в Куокколу. Так как Чуковский много писал о футуристах, он часто выступал вместе с ними на му, что он о нас пишет, или

концертах. Об этих выступлениях написал впоследствии участник многих футуристических манифестов поэт Б. Лифшиц, автор книги «Полутороглазый стрелец». Он описал эти выступления так: «Мы собачьей свадьбой носились с эстрады на эстраду и спорили, кто кому обязан своей известностью. Мы ли Чуковский

1928 года в «Правде» появилась статья Н. К. Крупской, которая руководила этим советом, и от ее позиции зависело издание книг и судьба писателей. Статья называлась «О «Крокодиле» Чуковского». Я думаю, что она настолько показательна, что текст статьи следует воспроизвести полностью.

О «Крокодиле» Чуковского

Надо ли давать эту книжку маленьким ребятам? Крокодил... Ребята видели его на картинке, в лучшем случае в зоологическом саду. Они знают про него очень мало. У нас так мало книг, описывающих жизнь животных. Интересует ребят не лошадь, овца, лягушка, а именно те животные, ко-

Какой-то явно имеет, но он так заботливо замаскирован, что угадать его довольно трудно. Герои, дарующие свободу народу, чтобы выкупить Лялю — это такой буржуазный мазок, который бесследно не пройдет для ребенка. Приучать ребенка болтать всякую чепуху, читать всякий вздор, может, и принято в буржуазных семьях, но это ничего общего не имеет с тем воспитанием, которое мы хотим дать нашему подрастающему поколению. Такая болтовня — неуважение к ребенку. Сначала его манят пряниками, веселыми невинными рифмами, а попутно дают глотать какую-то муть, которая не пройдет для него бесследно.

Еще один примечательный документ, характеризующий бытовавшее тогда отношение к творчеству Чуковского.

Резолюция общего собрания

Неизвестный Корней Чуковский

Чуковский нам, так как он вместе с нами выступает». Известно, что выступления футуристов пользовались скандальной известностью и собирали всегда очень много публики. «...А дальше мы приезжали к нему доругиваться в Куокколу». Маяковский в этот период сделал множество портретов Корнея Ивановича, которые сейчас висят в Переделкинском доме-музее. Это была очень живая связь, хотя нельзя сказать, что она была дружеской.

— Корней Иванович хорошо известен как детский писатель, но менее известно, что его творческий путь в детской литературе был очень труден.

— Одна из глав книги Чуковского «От двух до пяти» называется «Борьба за сказку». Я хочу рассказать о некоторых эпизодах этой нелегкой борьбы. Самого большого накала она достигла в 1928 году. Это было трудное время в нашей литературе. Многие писатели подвергались необоснованной критике или просто отвергались партийным руководством. Тогда был создан государственный ученый совет, который должен был разрешать или запрещать детские книги. И вот 1 февраля

родителей кремлевского детского сада. Но вместо рассказа о жизни крокодила они услышат невероятную галиматью. Звери в облине людей — это смешно! Смешно видеть крокодила, курящего сигару, летящего на аэроплане, смешно видеть крокодильчика, лежащего в кровати, смешно также, что крокодил называется по имени отчеству: «Крокодил Крокодилович». И вместе с этой забавой дается и другое — изображается народ. Народ орет, злится, тащит в полицию, народ — трус, дрожит, визжит от страха. К этой картинке присоединяются еще и стрижённые под скобку мужички, благодарные шоколадом Ваню за его подвиг. Все это уже совсем не невинное, а крайне злобное, которое недостаточно осознается ребенком, но залегает в его сознании.

Вторая часть «Крокодила» изображает мешанскую домашнюю обстановку его семейства, причем смешно, что Крокодил от страха проглотил салфетку, заслоняет собой изображаемую пошлость. Крокодил целует ноги у царя гиппопотама...

После всего сказанного становится ясно, что звери под влиянием пожирателя детей, величания Крокодила, курящего сигары и гулявшего по Невскому, идут освобождать томлящихся в клетках своих братьев-зверей. Все перед ними разбегаются в страхе. Однако звери взяли в заложницы Лялю, и, чтобы освободить ее, Ваня дает свободу зверям: «Вашему народу я даю свободу, свободу я даю!» Что вся эта чепуха обозначает? Какой она имеет политический смысл?

Всем этим «семьям были выделены специальные пайки и денежная помощь. В 30-е годы Чуковский писал письма в защиту репрессированных писателей и ученых (А. И. Пантелеева, Оксмана). В архиве сохранились более поздние письма к Берии, Вышинскому, Ульриху. Позднее, в 60-е годы, он обращался в суд, который судил Бродского. Писал в защиту Синявского и Даниэля. Ему принадлежит первая в мире рецензия на рукопись «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына. Он был в числе тех, кто поддерживал выдвижение Солженицына на Ленинскую премию, а впоследствии, в более трудное для А. И. Солженицына время, Чуковский пригласил его к себе на дачу, о чем Солженицын вспоминает в книге «Бодался теленок с дубом»...

От окончательного запрета Корнея Ивановича спасло письмо Горького, который писал из Италии. (Чуковский был членом коллегии издательства «Всемирная литература», которым руководил Горький). Горький обратился 14 марта 1928 года в «Правду» с письмом. В результате такой полемики не удалось полностью отстранить писателя от его деятельности, хотя были постоянные запреты.

Всю жизнь Чуковский вел дневник, который уже подготовлен к печати и должен выйти в конце года в издательстве «Советский писатель». Эти записи говорят о том, с каким трудом в 20-е годы к читателям приходила каждая сказка Чуковского.

— Мало известно и об общественной деятельности Корнея Ивановича.

— Начиная с 30-х годов и до 60-х Корней Иванович не занимал никаких общественных постов. В 20-е годы Чуковский был одним из организаторов Петроградского дома искусств, вместе с Замятым входил в редакцию журнала «Русский современник», журнала «Современный Запад».

Корней Иванович всегда говорил, что он придерживается так называемой «теории малых дел», представителем которой был А. П. Чехов. Вся благородная общественная деятельность Чехова была совершенно не шумная. Он делал то, что считал должным, и не любил об этом говорить.

Многие современники третируют его за «теорию малых дел», а кое-кто даже презирал. Между тем Корней Иванович считал, что именно из малых, благородных дел складывается общественная жизнь, и он сам был убежденным сторонником этой теории. В феврале 1920 года Корней Иванович писал А. В. Луначарскому с просьбой помочь семьям замечательных русских деятелей. Среди них сестра поэта Некрасова; жена художника Серова; В. С. Серова — вдова композитора, мать живописца; Л. П. Бакст — жена художника и т. д.

Всем этим «семьям были выделены специальные пайки и денежная помощь. В 30-е годы Чуковский писал письма в защиту репрессированных писателей и ученых (А. И. Пантелеева, Оксмана). В архиве сохранились более поздние письма к Берии, Вышинскому, Ульриху. Позднее, в 60-е годы, он обращался в суд, который судил Бродского. Писал в защиту Синявского и Даниэля. Ему принадлежит первая в мире рецензия на рукопись «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына. Он был в числе тех, кто поддерживал выдвижение Солженицына на Ленинскую премию, а впоследствии, в более трудное для А. И. Солженицына время, Чуковский пригласил его к себе на дачу, о чем Солженицын вспоминает в книге «Бодался теленок с дубом»...